И 82/104

89
И 104

С. Бѣлокуровъ.

О БИБЛІОТЕКѢ МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ ВЪ XVI СТОЛѢТІИ.

Проф. А. И. Соболевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. П. Лопухина. Тележная ул., № 5.
1900.

И 82/104

С. Бѣлокуровъ.

О БИБЛІОТЕКѢ МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ ВЪ XVI СТОЛѢТІИ.

Проф. А. И. Соболевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. И. Лопухина. Тележная ул., № 5.
1900.

Извлечено изъ „Вѣстника Археологіи и Исторіи“, выпускъ XIII.

2007058320

Сергѣй Бѣлокуровъ. О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1899.

I.

Передъ нами книга въ тысячу безъ малаго страницъ, стоившая автору нѣсколькихъ лѣтъ работы, посвященная далеко не важному вопросу и дающая рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Можно бы думать, что автору удалось разрѣшить вопросъ окончательно; но увы, даже бѣглое чтеніе книги показываетъ читателю, что до разрѣшенія и теперь такъ же далеко, какъ и прежде. Впрочемъ нельзя не признать, что авторъ проявилъ замѣчательное трудолюбіе, пересмотрѣвъ нѣсколько сотенъ рукописей и напечатавъ цѣлый рядъ текстовъ, и что наука долго будетъ ему за это благодарна.

Вопросъ, поставленный С. А. Бѣлокуровымъ, уже не новъ; отвѣтъ на него также отнюдь не отличается новизною; какихъ бы то ни было новыхъ данныхъ (за однимъ исключеніемъ) С. А. Бѣлокуровъ не привелъ. Все его изслѣдованіе сводится къ разбору того, что давно или недавно указано было другими; а потому и мы займемся прежде всего этимъ разборомъ.

Авторъ начинаетъ съ источниковъ говорящихъ о библіотекѣ московскихъ царей, и прежде всего съ того сказанія о Максимѣ Грекѣ, первыя слова котораго: „Осмой убо тысячѣ наставши“ (его мы будемъ называть *первымъ*) и въ которомъ находится наиболѣе извѣстный въ нашей ученой литературѣ разсказъ объ упомянутой библіотекѣ; онъ приходитъ къ заключенію, что это сказаніе не достовѣрно, что оно написано уже въ первой половинѣ XVII вѣка, лѣтъ 75 спустя послѣ

мерти Максима, что ни одинъ списокъ его не можетъ быть отнесенъ къ XVI вѣку.

Максиму Греку посчастливилось у его русскихъ современниковъ. Не смотря на гоненіе, воздвигнутое на него московскими властями не смотря на осужденіе его соборомъ, въ ихъ глазахъ онъ былъ неизмѣнно столпомъ православія и свѣтиломъ учености. При его жизни, сначала одинъ ученикъ его, Селиванъ, написалъ ему громкую похвалу; потомъ, уже во время злоключеній Максима, другой, Нилъ Курлятевъ, составилъ ему панегирикъ; наконецъ извѣстный Курбскій не находилъ выраженій, чтобъ достойнымъ образомъ восхвалить своего „учителя“ Максима „философа“. Современники тщательно берегли и переписывали самыя ничтожныя записки Максима (напримѣръ, напечатанную въ казанскомъ изданіи его сочиненій, II, стр. 386). Собраніе его словъ и переводовъ появилось еще при его жизни, и одинъ современный ему списокъ, принадлежавшій митрополиту Іоасафу (Моск. Дух. Ак. № 42), дошелъ до насъ; сверхъ того, мы имѣемъ рядъ другихъ списковъ того же собранія полныхъ и неполныхъ, XVI вѣка, между прочимъ: Моск. Румянц. Муз. Больш. № 285 и Хлудов. № 73, 1563 года (одна рукопись въ двухъ томахъ), Моск. Дух. Ак. Іосиф. № 133, съ вкладной 1576 года, Моск. Рум. Муз Унд. № 487, 1587 года, Спб. Синодальнаго Архива, 1587 года, гр. Уварова № 247, съ вкладной 1600 года [1]). По мнѣнію С. А. Бѣлокурова, современники Максима, бравшіеся за перо для прославленія его, когда онъ былъ живъ,—не рѣшились написать объ его жизни и заслугахъ, когда онъ умеръ, и лишь много лѣтъ спустя по кончинѣ, когда уже Максима „позабыли“ (стр. 224), совсѣмъ не имѣвшіе о немъ понятія люди почему то вздумали написать нѣчто. Кому подобное мнѣніе a priori покажется правдоподобнымъ? Сверхъ того, въ самомъ сказаніи имѣются доказательства его относительной древности, не замѣченныя С. А. Бѣлокуровымъ.

Сказаніе (пользуемся текстомъ напечатаннымъ у С. А. Бѣлокурова на стр. XXXI слѣд.) начинается указаніемъ на 1506 годъ, какъ на время осмотра в. кн. Василіемъ своей библіотеки. Этой даты нѣтъ ни въ сочиненіяхъ Максима, ни въ другихъ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ; ее не зачѣмъ было выдумывать автору сказанія,

---

[1]) Въ этой вкладной вкладчикъ м-тъ Іона пишетъ: а писана сія книга Максимъ Грекъ съ добрыхъ переводовъ (=оригиналовъ), а трудовъ и потовъ много положено, какъ правили сію *святую* книгу.

вообще очень скупому на даты, тѣмъ болѣе, что эта дата прямо Максима не касается.

Далѣе въ немъ находится указаніе на другое лицо, найденное на Аѳонѣ, какъ годное для посылки въ Москву: „обрѣтоша... дву иноковъ, единому имя *Данiилъ*, другому же Максимъ“. Этого указанія также нѣтъ ни въ сочиненіяхъ Максима, ни въ другихъ нашихъ источникахъ; оно не заключаетъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго.

Далѣе въ сказаніи указывается на мѣсто жительства Максима въ Москвѣ. Это—Чудовъ монастырь. И этотъ фактъ ни изъ сочиненій Максима, ни изъ другихъ нашихъ источниковъ намъ неизвѣстенъ и вмѣстѣ съ этимъ болѣе чѣмъ правдоподобенъ.

Если принять во вниманіе, что авторъ перваго сказанія сравнительно хорошо знаетъ лишь событія первой четверти XVI вѣка и почти ничего не знаетъ о жизни Максима въ послѣдующее время (ему неизвѣстно даже заточеніе Максима въ Іосифовомъ монастырѣ), то необходимо думать, что онъ жилъ въ Москвѣ и въ началѣ XVI вѣка и, вѣроятно, потомъ. Скудость его данныхъ о Максимѣ свидѣтельствуетъ, что онъ не былъ близкимъ человѣкомъ къ Максиму ни въ какую эпоху жизни послѣдняго, что онъ былъ просто почитателемъ Максима и его сочиненій. Цѣль составленія сказанія—удостовѣрить новѣйшему поколѣнію (= „послѣднимъ людямъ“), что Максимъ былъ вполнѣ православенъ. Отсутствіе легендарнаго элемента и хотя бы намековъ на святость Максима заставляетъ насъ считать первое сказаніе написаннымъ вскорѣ по смерти Максима [1]).

Въ первое сказаніе однимъ изъ переписчиковъ или читателей была внесена интересная подробность, не находящаяся въ другихъ нашихъ источникахъ о Максимѣ,—указаніе на мѣсто рожденія и на имена отца и матери Максима (у С. А. Бѣлокурова стр. XXXII, примѣч.). Само собою разумѣется, лицо, составившее это дополненіе [2]), должно было принадлежать къ числу современниковъ Максима, имѣвшихъ о немъ хорошія личныя свѣдѣнія.

Въ дополненномъ видѣ первое сказаніе подверглось совершенной передѣлкѣ. Оно было сильно сокращено, и при этомъ получило такой видъ, что сдѣлалось удобнымъ для помѣщенія, какъ бы въ видѣ предисловія, передъ сочиненіями Максима. Его начальныя слова: „При дер-

---

[1]) Само собою разумѣется, предположеніе С. А. Бѣлокурова, что это сказаніе составлено троицкимъ старцемъ Іоасафомъ Сороцкимъ (стр. 233) не имѣетъ ни малѣйшаго основанія.

[2]) Это дополненіе встрѣчается и отдѣльно отъ сказанія при сочиненіяхъ Максима Срв. у С. А. Бѣлокурова на стр. CCXXX. VIII.

жавѣ великаго князя“ (у С. А. Бѣлокурова стр. VIII сл.). Лицо, произведшее передѣлку, сдѣлало кое какія дополненія: оно знало о томъ, что прежде заточенія въ Твери, Максимъ былъ въ Іосифовомъ монастырѣ; ему было извѣстно, что Максимъ былъ переведенъ въ Троицко-Сергіевъ монастырь умоленіемъ игумена Артемія. Судя по всему, эти свѣдѣнія заимствованы изъ другого сказанія о Максимѣ (о которомъ ниже).

С. А. Бѣлокуровъ, какъ мы видѣли уже, о спискахъ перваго сказанія говоритъ рѣшительно, что всѣ они—не раньше XVII вѣка. Но онъ самъ указываетъ, что одинъ списокъ, Соловецкій, составителями описанія Соловецкой библіотеки отнесенъ къ XVI вѣку. Дѣйствительно, почеркъ его, судя по изданному С. А. Бѣлокуровымъ снимку съ него (стр. CCLXXIII), никоимъ образомъ не можетъ быть считаемъ непремѣнно за почеркъ XVII в.; онъ можетъ быть свободно относимъ и къ концу XVI в. (срв. у С. А. Бѣлокурова стр. 222).

Обратимся къ второму сказанію, на которомъ С. А. Бѣлокуровъ почти совсѣмъ не останавливается. Это сказаніе начинается словами: „Инокъ Максимъ философъ“, и издано С. А. Бѣлокуровымъ на стр. XVIII сл. Оно говоритъ, что Максимъ былъ сынъ воеводскій, что в. кн. Василій обращался къ турецкому султану съ просьбою прислать переводчика, что султанъ сначала хотѣлъ послать къ Василію другое лицо, что Максимъ былъ принужденъ идти въ Москву святогорскимъ протомъ и всѣми старцами, что приставленные къ нему въ Москвѣ толмачи учились въ Римѣ, что Максимъ былъ заточенъ прежде всего въ Іосифовъ монастырь, терпѣлъ здѣсь всякія озлобленія и удостоился явленія ангела, что его ученика Селивана изъ за него въ Іосифовомъ монастырѣ въ дымъ повѣсили и уморили, что въ Твери онъ былъ въ чести великой у Акакія и ѣлъ съ нимъ съ одного блюда, что по молебному слову троицкаго игумена Артемія царь Иванъ Грозный велѣлъ взять Максима въ Москву, что тогда онъ былъ уже дряхлъ, боленъ ногами и глазами, что Максимъ умеръ вскорѣ по смерти Артемія, что сочиненій Максимовыхъ болѣе ста, которыя извѣстны ему въ трехъ спискахъ.

Это второе сказаніе вполнѣ независимо отъ перваго. Его составитель не былъ знакомъ съ послѣднимъ, и уже это одно говоритъ за его относительную древность. Дѣйствительно, оно должно было быть написано въ то время, когда въ московскомъ обществѣ еще ходило множество разсказовъ о Максимѣ, вообще когда память о Максимѣ была еще свѣжа, но когда уже Максимъ сталъ окружаться ореоломъ святости. Его приблизительная дата—семидесятые годы XVI в. (когда

уже должны были забыть о дѣлѣ Артемія, судившагося въ 1554 г.). Мѣстомъ его написанія не можетъ быть Троицко-Сергіевъ монастырь. Цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ второго сказанія,—удостовѣреніе какъ православія и учености Максима, такъ его святости.

Изъ второго сказанія была извлечена находящаяся въ немъ легенда о явленіи ангела, *вскорѣ послѣ 1591 года*. Извлеченіе было приспособлено къ тому, чтобы служить предисловіемъ или послѣсловіемъ къ составленному Максимомъ канону св. Духу. Оно начинается словами: „Максимъ бѣ сынъ воеводскій“ (издано у С. А. Бѣлокурова на стр. IV—V въ двухъ редакціяхъ). Лицо, работавшее надъ извлеченіемъ—упоминаемый въ немъ, съ приложеніемъ уничижительныхъ эпитетовъ (послѣдніе пишутся лишь тѣмъ, къ кому они относятся), бывшій дьяконъ Исаія.

Что до *третьяго* сказанія, начинающагося словами: „Въ лѣто благочестиваго государя“ (у С. А. Бѣлокурова стр. XII сл.), то оно не останавливаетъ на себѣ вниманія С. А. Бѣлокурова. По нашему мнѣнію, третье сказаніе не что иное какъ соединеніе вмѣстѣ важнѣйшихъ частей перваго и второго сказаній, не вполнѣ добросовѣстно исполненное. Составитель его, между прочимъ, находящееся въ первомъ сказаніи имя аѳонскаго монаха Данінла перенесъ на отысканнаго султаномъ ученаго мірянина. Судя по употребленію нѣкоторыхъ словъ (въ родѣ *еллиногреческій* языкъ, *діалектъ*-языкъ), это сказаніе написано уже въ XVII вѣкѣ, скорѣе въ половинѣ этого столѣтія, чѣмъ въ началѣ.

Итакъ, изъ сказаній о Максимѣ имѣетъ наибольшую цѣну первое, принадлежащее современнику, и показанія его заслуживаютъ полнаго вниманія, какъ безпристрастные и добросовѣстно составленные мемуары.

Отъ сказаній о Максимѣ авторъ переходитъ къ разсказамъ нѣмцевъ—Веттермана и анонима. Какъ извѣстно, эти разсказы уже подвергались разбору въ трудѣ Н. П. Лихачева, и С. А. Бѣлокуровъ сказалъ о нихъ мало новаго.

По его мнѣнію (стр. 264), разсказъ Веттермана „записанъ Ніенштедтомъ не вполнѣ точно, не такъ, какъ ему передавалъ его Веттерманъ“, лѣтъ 30 спустя послѣ бесѣды съ Веттерманомъ, съ собственными дополненіями. Это видно изъ передачи именъ и фамилій дьяковъ, показывавшихъ Веттерману при Иванѣ Грозномъ царскую библіотеку: „Ніенштедтъ почти ни одной фамиліи не передалъ правильно и ошибся въ именн дьяка (Андрей Солканъ, Никита Высроватый и Фуникъ—вмѣсто Андрей Щелкаловъ, Висковатый и Никита

Ф^никовъ)". Такимъ образомъ, по С. А. Бѣлокурову, Ніенштедтъ въ теченіе 30 лѣтъ помнилъ тарабарскія для его слуха, ничего ему не говорившія и для него нисколько не важныя имена и фамиліи московскихъ дьяковъ, правда въ нѣсколько искаженномъ видѣ. Мы думаемъ, что именно эти-то имена (искаженныя, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ нѣмца не знающаго русскаго языка и запомнившаго по слуху), свидѣтельствуютъ прямо о записи Ніенштедтомъ разсказа Веттермана со словъ послѣдняго и говорятъ въ пользу достовѣрности этого разсказа. Если же прибавимъ, что ни Веттерманъ, ни Ніенштедтъ не имѣли никакихъ причинъ сочинять что-либо о богатой и цѣнной библіотекѣ у варварскаго московскаго царя (восхвалять котораго у нихъ не могло быть ни малѣйшаго основанія), то мы должны будемъ признать, что разсказъ Веттермана есть безпристрастное повѣствованіе очевидца—участника событія.

Разсказъ нѣмца анонима С. А. Бѣлокуровымъ, вслѣдъ за Н. П. Лихачевымъ, объявляется новѣйшей поддѣлкой; С. А. Бѣлокуровъ не прочь считать поддѣлывателемъ проф. Дабелова. Но ради чего было устраивать поддѣлку Дабелову, занимавшемуся лифляндскимъ правомъ и ничѣмъ не выказавшимъ своего интереса къ исторіи старой Россіи или къ прославленію старыхъ московскихъ царей? Если, можетъ быть, и было въ его интересахъ сказать что-нибудь неизвѣстное о corpus'ѣ Ульпіана, Папиніана и Павла, то какую цѣну могло имѣть для его славы простое указаніе на нахожденіе этого corpus'а въ московской библіотекѣ давнихъ временъ? Вообще мы не видимъ основанія обвинять въ чемъ бы то ни было Дабелова. Иное дѣло самъ анонимъ. Что онъ много налгалъ, это сомнѣнію не подлежитъ; но во всякой лжи есть зерно правды. И этимъ зерномъ въ данномъ случаѣ должно считать то, что онъ былъ въ Москвѣ (судя по всему во второй половинѣ XVI вѣка) и что онъ имѣлъ какія то свѣдѣнія о богатой цѣнными и рѣдкими книгами царской библіотекѣ.

Послѣ разсказовъ нѣмцевъ авторъ говоритъ о другихъ извѣстіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ библіотекѣ московскихъ царей XVI вѣка, и между прочимъ объ одномъ новомъ, лишь недавно найденномъ о. Пирлингомъ и впервые утилизованномъ у С. А. Бѣлокурова. Это письма Аркудія и Сапѣги.

Изъ нихъ видно слѣдующее. Въ концѣ XVI столѣтія въ Римѣ былъ слухъ, что въ Москвѣ у царя хранится библіотека изъ греческихъ рукописей. Одинъ кардиналъ поручилъ греку-уніату Петру Аркудію въ 1600 году съѣздить, вмѣстѣ съ польскимъ посольствомъ, въ Москву для собранія свѣдѣній объ этой библіотекѣ. Знатные московскіе бояре

при распросѣ сперва, по своей привычкѣ хвастать, сказали, что у патріарха очень много греческихъ рукописей, но потомъ сознались, что такихъ рукописей очень мало, и всѣ онѣ богослужебныя. Существованіе греческой библіотеки у царя московскіе люди отрицали.

С. А. Бѣлокуровъ принимаетъ на вѣру все, что есть въ этихъ письмахъ. Но не трудно себѣ представить, какъ было дѣло въ дѣйствительности. Пока или простые разговоры о греческихъ книгахъ, бояре не стѣснялись заявлять, что таковыя въ Москвѣ имѣются въ большомъ количествѣ, но когда отъ нихъ стали добиваться обстоятельныхъ свѣдѣній или даже допущенія Аркудія къ осмотру библіотеки, тѣ же бояре, чтобы избавиться отъ хлопотъ и могущихъ быть непріятностей, стали утверждать уже наоборотъ, что книгъ въ Москвѣ нѣтъ и осматривать нечего.

Теперь взгляномъ, какъ относится С. А. Бѣлокуровъ къ остальнымъ источникамъ.

Передъ нами письмо Паисія Лигарида къ царю Алексѣю Михайловичу, написанное имъ полтора мѣсяца спустя по прибытіи въ Москву, (18 мая 1662 года), въ которомъ онъ проситъ допустить его къ разсмотрѣнію „уже давно“ (jam pridem) находящихся у царя греческихъ и латинскихъ книгъ (codices). С. А. Бѣлокуровъ считаетъ несомнѣннымъ, что Паисій имѣлъ въ виду рукописи, привезенныя въ Москву въ 1655 году Арсеніемъ Сухановымъ, и ссылается на то, что патр. Никонъ и чины московскаго посольскаго приказа взглянули на просьбу Паисія, какъ на относящуюся именно къ рукописямъ Суханова. Но С. А. Бѣлокуровъ упускаетъ изъ виду главное. Паисій, какъ ему хорошо извѣстно, былъ прекрасно знакомъ съ Суховымъ, зналъ, что послѣдній ѣздилъ по порученію патріарха, что привезенныя имъ рукописи, исключительно греческія, находятся у патріарха, и потому не имѣлъ надобности говорить ни о „молвѣ“ о нихъ, до него дошедшей ни о нахожденіи у царя греческихъ и латинскихъ книгъ. Очевидно, надо понимать письмо Паисія иначе, и выше упомянутыя письма Аркудія и Сапѣги даютъ возможность понять его правильно. Паисій, воспитавшійся въ Римѣ среди ученыхъ грековъ и имѣвшій значительные ученые интересы, слышалъ еще тамъ о богатой греческой и латинской библіотекѣ московскаго царя и, можетъ быть, видѣлъ доказательство дѣйствительнаго ея существованія въ видѣ взятой изъ нея рукописи (о ней см. ниже).

Передъ нами разсказъ о московскомъ пожарѣ 1548 года, извѣстный въ рукописяхъ въ видѣ отдѣльной повѣсти. Онъ таковъ, что не внушаетъ ни малѣйшихъ сомнѣній С. А. Бѣлокурову; только напъ ав-

торъ понимаетъ одно его выраженіе нѣсколько своеобразно. Въ немъ говорится, что въ Москвѣ погорѣло множество безцѣннаго узорочія, много церковныя утвари и прочія непзреченныя и памяти достойныя вещи, еже и царскія драгія и преславныя яже отъ древнихъ лѣтъ многія отъ прародитель стяжанія, *иже во святыхъ церквахъ* божественныя иконы и честныя кресты, наипаче же мнѡгія мощи святыхъ и святыя многія книги греческія и русскія, дивно препрядно украшенныя, ризы же и одежда и сосуды драгія... и прочія непзреченныя и неудобьсказанныя всякія кузни". С. А. Бѣлокуровъ (стр. 295) полагаетъ, что слова *иже во святыхъ церквахъ* относятся ко всему послѣдующему, что такимъ образомъ рѣчь идетъ о книгахъ бывшихъ въ церквахъ, о одеждахъ бывшихъ въ церквахъ, о цѣнныхъ металлическихъ вещахъ (кузнь) бывшихъ въ церквахъ. Но всякому, кто знакомъ съ употребленіемъ члена *иже* или кто прочелъ находящуюся передъ *иже* фразу (*яже* отъ древнихъ лѣтъ....), ясно, что этотъ членъ поставленъ лишь для того, чтобы тѣснѣе связать слова: во святыхъ церквахъ, съ словами: иконы и кресты.

Что мы понимаемъ это мѣсто вѣрно, видно изъ текста Степенной книги, въ которую внесенъ этотъ разсказъ (съ отнесеніемъ къ пожару 1547 года) съ нѣкоторыми измѣненіями въ выраженіяхъ. Въ этомъ текстѣ оно читается: „въ святыхъ же церквахъ и въ сокровищахъ царскихъ и въ святительскихъ иконы и честныя кресты, наипаче же многія цѣльбоносныя мощи святыхъ и святыя многія книги греческія дивно и препрядно украшенныя, ризы же и одежда священныя и мірскія...." Замѣтимъ, что хотя разсказъ о пожарѣ по всѣмъ признакамъ написанъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, но авторъ его ограничивается лишь общими выраженіями безъ упоминанія о чемъ-нибудь въ отдѣльности, что указываетъ на малую его освѣдомленность. Въ виду этого для насъ важно лишь упоминаніе о многихъ греческихъ и русскихъ (или, по Степенной книгѣ,—только греческихъ) дивно и препрядно украшенныхъ книгахъ, о нахожденіи которыхъ въ Москвѣ авторъ зналъ и которыя онъ считалъ большою цѣнностью. Этотъ разсказъ о пожарѣ 1547 года дополняется и исправляется другимъ, который помѣщенъ въ Никоновской лѣтописи и составленъ вполнѣ освѣдомленнымъ человѣкомъ (у С. А. Бѣлокурова на стр. 298); въ немъ перечисляется сравнительно подробно, что погибло отъ огня, но нѣтъ даже намека на дорогія греческія книги. Очевидно, они только могли сгорѣть, но не сгорѣли.

Мы покончили съ разборомъ источниковъ говорящихъ о царской библіотекѣ, которые имѣлъ въ виду С. А. Бѣлокуровъ. Перейдемъ къ его мнѣнію о самой библіотекѣ. „Первые московскіе великіе князья не

отличались любовью къ просвѣщенію, говоритъ онъ. Поэтому и трудно предполагать въ ихъ книгохранилищахъ присутствіе какихъ-либо иноязычныхъ рукописей. Рукописи, которыми они владѣли, вѣроятно, были исключительно русскія, и притомъ онѣ были едва ли въ значительномъ количествѣ (стр. 325). . Количество въ Москвѣ греческихъ рукописей значительно должно было увеличиться со времени брака в. кн. Ивана III на греческой царевнѣ... Въ это именно время могло попасть нѣсколько греческихъ рукописей и въ царскую казну. Но число ихъ здѣсь должно предполагать небольшое" (стр. 329). Выводъ С. А. Бѣлокурова таковъ: „и въ XVI в. у московскихъ великихъ князей и царей была библіотека; она состояла главнымъ образомъ изъ русскихъ рукописей и такихъ же книгъ московской, литовской и др. печати; въ ней могло быть *нѣсколько* (во всякомъ случаѣ *небольшое* число) греческихъ рукописей, но въ ней не было ни латинскихъ, ни еврейскихъ рукописей" (стр. 329).

Рядомъ съ такимъ рѣшительнымъ выводомъ мы у автора читаемъ: „книжное собраніе у московскихъ царей въ самомъ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка состояло изъ 41 русской рукописи, одной книги московской печати, одной нѣмецкой, 10 книгъ литовской печати и 5 тетрадей польскихъ, всего 58 №№" (стр. 323). Послѣднія слова, основанныя на описи 1611 года, показываютъ, что выводъ автора совсѣмъ произволенъ; С. А. Бѣлокуровъ вмѣсто этого вывода долженъ былъ придти къ другому: никакой библіотеки у московскихъ царей въ XVI вѣкѣ не было (нельзя же называть библіотекой крохотное число книгъ, почти на половину богослужебныхъ!); никакихъ греческихъ книгъ у нихъ не было..

Что же значатъ слова самого Максима Грека, относительно подлинности которыхъ С. А. Бѣлокуровъ ни мало не сомнѣвается (стр. 200) о „книгохранильницѣ" в. кн. Василія Ивановича, въ которой „по многи лѣта" была заключена греческая Толковая Псалтырь и въ которой книги были помѣщены въ ковчезѣхъ (= въ сундукахъ, ящикахъ) [1])? О какой „царской книгохранительницѣ" говоритъ младшій современникъ іеродіаконъ Іоакимъ, пріѣхавшій въ Москву нарочно для поисковъ въ ней изъ Кіева (*Чтенія Общ. ист. и др.* 1883 г., I, смѣсь)? О какой „царской книгохранильницѣ" говоритъ другой младшій современникъ Мак-

[1]) „Сіе и нынѣ во истину воздвиже твою державу къ преложенію толкованій псалмовъ, *по многа лѣта въ книгохранильницѣ заключенныхъ* бывшихъ.... Духовное брашно всѣмъ предложи, да не паки *въ ковчезѣхъ*, яко же и преже (Каз. изд. II, 299, 316).

сима діаконъ Исаія, прибывшій въ Москву также для поисковъ въ ней изъ Южной Руси или изъ Молдавіи (*Изв. отд. р. яз. и слов. Ак. Н.* 1896 г., кн. 3, стр. 499)? Почему въ 1565 году обратился къ царю за арабскою рукописью ногайскій князь, и почему царь не прямо отказалъ ему, а сначала велѣлъ искать эту рукопись въ своихъ „казнахъ".

Отвѣта на эти вопросы у С. А Бѣлокурова мы не находимъ. А дать его легко: о царской библіотекѣ въ Москвѣ гремѣла молва далеко за предѣлами московскаго государства, и всѣ нуждавшіеся въ какой-нибудь рѣдкой книгѣ надѣялись найти ее у московскаго царя.

Лучшіе источники даютъ намъ точнѣйшее опредѣленіе состава этой библіотеки. Первое сказаніе о Максимѣ Грекѣ говоритъ о многочисленныхъ и цѣнныхъ *греческихъ* рукописяхъ; разсказъ о пожарѣ 1547 или 1548 года упоминаетъ или о многочисленныхъ и великолѣпныхъ *греческихъ* и русскихъ, или только о греческихъ рукописяхъ; извѣстія Веттермана и анонима Дабелова говорятъ о многочисленныхъ и рѣдкихъ *греческихъ* и латинскихъ рукописяхъ; письма Аркудія и Сапѣги свидѣтельствуютъ, что дошедшая до Рима молва знала у московскаго царя *греческія* рукописи. Всѣ эти источники, разновременные и разноязычные, до очевидности свободные отъ тенденціозности, говорятъ съ поразительнымъ согласіемъ, хотя никто изъ скептиковъ не могъ до сихъ поръ указать на существованіе между ними какой-нибудь связи или зависимости.

Дѣйствительно, о *русской* библіотекѣ у московскихъ царей XVI вѣка не можетъ быти рѣчи. Такой начетчикъ, какъ царь Иванъ Грозный, не имѣлъ собственнаго экземпляра „Просвѣтителя" и бралъ его у крутицкаго епископа Нифонта (*Чтенія* 1881 г., II, Библ. матеріалы А. Н. Попова, № XIV); изъ описи его „постельной казны" видно, что онъ бралъ на подержаніе у Юр. Токмакова стихирарь, у Юр. Протасова травникъ, изъ Троицко-Сергіева монастыря лѣтописецъ (у С. А. Бѣлокурова стр. 320).

Обратимся къ новымъ свидѣтельствамъ имѣющимъ связь съ вопросомъ о царской библіотекѣ XVI вѣка.

Въ недавно вышедшемъ трудѣ Дальтона: Lasciana, nebst den ältesten evang. Synodalprotokollen Polens 1555--61 (составляющемъ III-й томъ Beiträge zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland, von Dalton), Berlin, 1898, напечатаны два письма польскаго гуманиста Яна Ласкаго („de Lasco") къ нѣмецкому гуманисту Амербаху, одно изъ Гнѣзна, отъ 1 іюля 1526 года, другое изъ Кракова, отъ 30 марта 1527 года. Въ первомъ Ласкій пишетъ: Nunc etiam misissem aliquid veterum voluminum partim e regia bibliotheca, partim ab

extrema Russia advectorum, sed nondum per negotia licuit videre libros meos... Dedi enim negotium quibusdam amicis meis, ut illos etiam in Moschica per quirerent, ubi nunc totius graecae religionis est velutiions quidam... Во второмъ мы читаемъ: Ex Moschica nonnihil veterum voluminum graecorum exspecto illuc enim adhuc floret Graecia. Transmissi (мнѣ посланы) dicuntur optimi quique libri (тексты) ex archetypis (съ древнихъ оригиналовъ) descripti.. [1]). Изъ приведенныхъ словъ Ляскаго видно, что будучи близкимъ родственникомъ примаса и коронаго канцлера Ляскаго, онъ сумѣлъ завязать связи съ кѣмъ-то въ Москвѣ, можетъ быть, съ Максимомъ Грекомъ, и получилъ свѣдѣнія о древнихъ греческихъ рукописяхъ тамъ находящихся; что изъ Москвы ему обѣщали прислать списки съ какихъ-то древнихъ греческихъ текстовъ. Не смотря на нѣкоторыя неясности (мы не знаемъ, что хотѣлъ сказать Лясній, говоря, что въ Москвѣ „цвѣтетъ Греція"), свидѣтельство Лясскаго имѣетъ огромную цѣну, относясь какъ разъ къ тому времени, когда Максимъ Грекъ еще былъ въ Москвѣ и еще пользовался греческими книгами великаго князя.

Въ книгѣ *Кубали* (L. Kubala): Jerzy Ossolinski, т. I, Краковъ, 1883, разсказывается о посольствѣ отправленномъ въ 1633 году только вступившимъ на престолъ Владиславомъ IV къ папѣ Урбану, о рѣчи посла Оссолинскаго и о поднесенныхъ имъ папѣ подаркахъ (стр. 70 сл.). Посолъ, поднося въ числѣ подарковъ греческую рукопись, разсказалъ папѣ о побѣдѣ поляковъ надъ московскими схизматиками и прибавилъ, что эта рукопись „Constantianae donationis diploma" взята королемъ „e superba gaza" московскаго царя. Современникъ Оссолинскаго Яковъ Собескій почти повторяетъ слова Оссолинскаго; онъ говоритъ, что „привилей Константина, подлинникъ на его даръ, поступилъ въ московскую казну изъ Греціи, а потомъ вмѣстѣ съ Москвою въ наши (польскія) руки", и что этотъ документъ былъ поднесенъ папѣ (стр. 281). Конечно, рѣчь идетъ не о подлинной грамотѣ, а объ древнемъ спискѣ извѣстной подложной дарственной грамоты Константина Великаго папѣ Сильвестру. Покойный А. С. Павловъ, изслѣдовавшій этотъ памятникъ въ греческомъ текстѣ и въ старомъ славянскомъ переводѣ, говоритъ, что греческіе списки не восходятъ далѣе XIV вѣка (*Визант. Временникъ* 1896 г., № 1, стр. 29). Мы можемъ добавить, что славянскій текстъ

[1]) Отрывки изъ этихъ писемъ изданы въ Centralblatt für Bibliothekwesen 1898 г., вып. 9, стр. 419—420, и намъ указаны Н. П. Лихачевымъ.

восходитъ къ греческому оригиналу и явился въ Болгаріи XIII—XIV вѣка.

Итакъ, поляки нашли у московскаго царя греческую рукопись, такую по внѣшности, что признали за подлинникъ грамоты Константина Великаго и потому нашли приличнымъ поднести папѣ.

Весьма вѣроятно, что эта рукопись хранится и теперь въ Ватиканской библіотекѣ и что въ архивѣ этой библіотеки найдутся относительно ея какія либо данныя.

III.

Вопросъ о московской царской библіотекѣ съ греческими рукописями находится въ нѣкоторой связи съ вопросомъ о переводахъ съ греческаго, сдѣланныхъ въ XVI вѣкѣ въ Москвѣ. Какъ извѣстно, Максимъ Грекъ то при помощи переводчиковъ Дмитрія Герасимова и Власія, то самостоятельно, и ученикъ Максима Селиванъ перевели нѣсколько большихъ греческихъ книгъ (о нихъ мы считаемъ лишнимъ распространяться). Сверхъ того, и съ именемъ Максима, и безъ его имени, но вмѣстѣ съ несомнѣнными его сочиненіями, до насъ дошло довольно много статей и отрывковъ, переведенныхъ съ греческаго въ XVI вѣкѣ. Мы имѣемъ въ виду въ другомъ мѣстѣ говорить о нихъ подробнѣе, и потому здѣсь назовемъ лишь слѣдующія:

1) рядъ словъ Василія Великаго (Троицк. № 200; Іосиф. № 133);

2) слово Григорія Богослова „Филагрію отвѣтно“ (Унд. № 338, л. 175);

3) посланіе Іоанна Златоустаго къ Киріяку (Толст. II, № 402);

4) посланіе патр. Фотія къ царю Михаилу Болгарскому (Іосиф. № 133);

5) слова а) Кирилла Александрійскаго и б) Іоанна Златоустаго объ исходѣ души и о мытарствахъ (Толст. II, № 241);

6) слова Симеона Метафраста: объ ап. Іоаннѣ Богословѣ (Іосиф. № 214, л. 73), объ ап. Ѳомѣ (Троицк. № 783, л. 168), объ ап. Матѳеѣ (Іосиф. № 233, л. 458 об.), о Василіи Вел. (Макар. Мин. 31 авг., л. 1401 об.), о великомуч. Никитѣ (Синод. № 219, л. 557), о чудесахъ арх. Михаила (Макар. Мин. 6 сент.), житіе Богородицы, житіе Діонисія Ареопагита (Синод. № 219, л. 561), пѣснь на успеніе Богородицы (ib. л. 551);

7) слово о нерукотворенномъ образѣ Спасовѣ, Константина Порфирогенита (*Строевъ*, Библ. словарь, 205);

8) воспоминаніе отчасти о св. горѣ Аѳонской (Погод. № 1577, л. 87 об.) и статьи о монастыряхъ Иверскомъ (Толст. III, № 85, л. 112) и Ватопедскомъ (Погод. № 1588, л. 48 об.);

9) сказаніе о раздѣленіи персидской державы и о звѣздочетіи (Толст. III, № 402, л. 483);

10) рядъ статей изъ Свиды (*Строевъ*, Библ. словарь, 205; Толст. II, № 241);

11) сокращеніе слова Іосифа Флавія о Маккавеяхъ (Троицк. № 201);

12) извлеченіе изъ Сивиллиныхъ пророчествъ о Христѣ и его страданіяхъ (Общ. Л. Др. Инс. № 6461);

13) отрывокъ изъ толкованій Вальсамона на Номоканонъ (Солов. № 307—494, л. 754);

14) отрывки (о вечеряхъ Христовыхъ, о Іудѣ) изъ Церковной Исторіи Никифора Каллиста;

15) отрывокъ изъ Менандра (Синод. № 191, л. 106 об.) [1]).

Наконецъ, извѣстенъ переводъ части сочиненія Рикарда (=Рикладъ) о магометанствѣ, сдѣланный, судя по языку, не Максимомъ, находящійся уже въ Макарьевскихъ Минеяхъ новгородской редакціи.

Этотъ отнюдь не полный перечень мелкихъ переводовъ Максима показываетъ, что въ Москвѣ около четверти XVI столѣтія было довольно много греческихъ книгъ, отчасти очень рѣдкихъ, какъ оригиналы толковой Псалтыри и толкованій на малыхъ пророковъ (см. *Горскій и Невоструевъ*, Описаніе, II, 2, стр. 571—572), еще неизвѣстные современной библіографіи.

Если нѣкоторое количество книгъ (въ ихъ числѣ Свида въ венеціанскомъ изданіи Альда; срв. *Строевъ*, Библ. слов., 206) могло быть привезено Максимомъ съ Аѳона, то остальныя, особенно огромные кодексы Бесѣдъ Іоанна Златоустаго на евангеліе и апостолъ, сочиненій Василія Вел., миней Метафраста, сочиненій Іосифа Флавія, — должны были уже находиться въ Москвѣ ко времени его пріѣзда. Собственникомъ такихъ книгъ могъ быть лишь великій князь.

А. Соболевскій.

---

[1]) Мы увѣрены, что нѣкоторыя мелкія статьи, считающіяся оригинальными сочиненіями Максима—переводъ. Это: повѣсть самовидца о мученьѣ въ греческой землѣ, похв. слова Іоанну Трепеликому, Ѳомандѣ, Потаміи и неизвѣстному мученику, Покаяніе ап. Петра, молитва св. Троицѣ.

2007058320